

Материал для издания предоставлен
В.А. Заусайловым и Н.Е. Кистерёвой.
Обработка - Н.Е. Кистерёва,
компьютерная верстка - С.В. Конюхов.

Переводчик М.А. Касаткин

Переводчик Касаткин М.А.

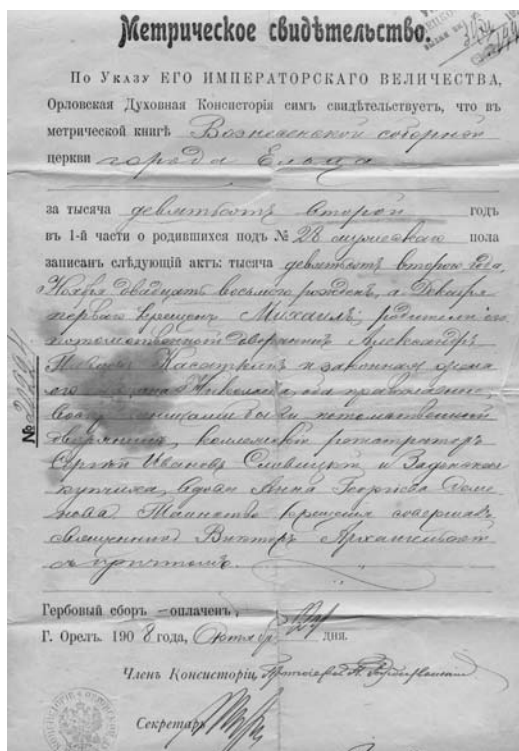
Старинные русские города гордятся своей историей, которая так тесно связана с историей России. Имена ученых, писателей, полководцев, вышедших из провинции, их земляки с гордостью повторяют, а сами имена становятся визитной карточкой города. Какой ельчанин при случае не вспомнит, что Елец – это Бунин, Розанов, Пришвин, что Хренников – из Ельца? Кто-то припомнит еще несколько имен: художника Мешкова, актрису Массалитинову и, как в таких случаях пишут, еще многих других.

Но самое интересное, что «многие другие» для Ельца не просто стандартная фраза, а наполнена она большим смыслом, потому что Елец, действительно, дал русской культуре так много имен, что даже коренные ельчане не всегда могут назвать земляков, которые внесли весомый вклад в русскую литературу, историю, искусство и т.д.

Вот так, еще несколько десятилетий назад, до середины 70-х годов 20 века, жил в Ельце один человек, чья литературная работа, да и сама жизнь, заслуживают особого рассказа.

Это – Михаил Александрович Касаткин.

Среднего роста, худощавый, глаза за очень толстыми стеклами очков, скромно одет. Плановик на пенсии. Кто бы мог подумать, что речь идет о талантливом переводчике с французского и английского, чьи стихотворные переводы публиковали самые лучшие, самые авторитетные издательства Советского Союза, такие, как «Художественная литература», «Советский писатель», «Наука», «Прогресс».

Метрическое свидетельство
выданное Вознесенской соборной
церковью о рождении и крещении
Михаила Касаткина

Родился М.А.Касаткин в г. Елец Орловской губернии в 1902 году в семье потомственного дворянина Александра Павловича Касаткина. Кроме него в семье был старший сын Сергей, впоследствии, в 1937 году, арестованный (припомнили службу в Белой гвардии), и с тех пор о его судьбе достоверно ничего не известно.

Поступив в казенную гимназию, Михаил заканчивал ее уже при Советской власти как

*Миша Касаткин
с матерью.
1910 год.*

школу второй ступени. Он хотел получить филологическое образование в университете, но обстоятельства помешали этому, и в 17 лет, оставив мысли о высшем образовании, он начинает зарабатывать на жизнь репетиторством. Потом работает переплетчиком, конторщиком, статистиком (при первом же призыве в 1924 году от армии полностью освобожден из-за слабого здоровья). В 29 лет он становится начальником планового отдела Елецкой махорочной фабрики.

Устоявшееся было течение жизни внезапно прерывается - на дворе 37 год. Предоставим слово самому М.А.Касаткину. Вот выдержка из его письма, написанного в 1955 году в Президиум Верховного Совета Союза ССР:

«15 декабря 1937 года я был арестован местным НКВД и без предъявления каких-либо обвинений, без допроса, 31 декабря этапирован в Орловскую тюрьму. На ряд поданных мною - через начальника тюремного корпуса - на имя Орловского областного прокурора заявлений о причинах ничем не мотивированного моего ареста я не получил ответа. И в Орле я не был ни

*Миша Касаткин (справа)
с матерью и старшим
братом Сергеем.
1907 год.*

*М.А. Касаткин среди родных.
60-е годы.*

разу вызван на допрос – и через два месяца, 28-го февраля 1938 г., отправлен этапом на Урал, в Ивдельский исправительно-трудовой лагерь.

Только здесь, при проверке этапированных, мне было сообщено, что я осужден особой тройкой Орловского областного НКВД на 10 лет трудовых лагерей, по ст. 58, п. 10 УК.

...В лагере я отбыл весь срок заключения, сниженный лишь на 42

дня после введения зачетов за хорошие показатели работы; освобожден из лагеря 3 ноября 1947 года.

Все мои заявления, поданные из лагеря на имя Верховного прокурора СССР и НКВД Союза ССР, оставлены были без удовлетворения. На мои просьбы – сообщить мне хотя бы причины моего осуждения, факты моей виновности – мне

отвечали одно: осуждены правильно, причин к обжалованию нет.

Лично сам никакой вины, никакого преступления, тем более по инкриминированной мне статье Уголовного Кодекса, я за собой не знаю и со всей категоричностью ее отрицаю.

...Обратиться в Президиум Верховного Совета заставляет меня желание снять со своего честного имени ничем не заслуженное пятно: судимость».

Одно письмо, другое, третье... Он был реабилитирован только в 1957 году.

В 1974 году, когда журнал «Подъем» публикует подборку переводов Касаткина, в предисловии было обтекаемо сказано, что переводчик «с 1937 по 1947 год провел на Урале». То ли сам Касаткин не хотел вспоминать эти тяжелые годы, то ли журнал решил не ворошить прошлое.

Внешне жизнь на поселении не так трудна: работает, как и в Ельце, плановиком (с 1944 по 1947 год освобожден от работы по инвалидности), передвижение свободное – в стихах он описывает, как с приятелем ходил по грибы, и за час-два набирали корзины грибов (да и куда убежишь, на километры - тайга). После работы самым популярным развлечением были шахматы, но Михаил Александрович так и не научился находить в них удовольствие, хотя пытался постигнуть шахматную игру. Его пробовали приучить курить, но только привили окончательное стойкое отвращение к табаку.

Дом, где жил М.А. Касаткин
до 1917 года. Ул. Маяковского, 22.

Почти все свободное время Касаткин читал, Чехова, Гоголя, Пушкина, Тютчева. Племянник из Ельца, близкий друг из Нарьян-Мара присылали ему книги. Иногда Михаила Александровича просили почитать вслух, например, Гоголя, но через 5-6 страниц слушатели обычно засыпали, и из этих чтений ничего не вышло.

Иногда он рисовал. Но красок практически не было, приходилось делать небольшие наброски карандашом. Это потом, вернувшись в Елец, он обратится к акварели и маслу.

Рисунок М.А. Касаткина.
1946 год.

Там, на поселении, он начинает писать стихи, избывая тоску по родным местам и близким людям. «Опять я там - мечтою сиротливой...Родной Елец...» Это были воспоминания о родном доме, о городе, где родился и вырос, о книгах, которые полюбил с детства. «Лампа» (Детство), «Самовар шумит», «Крылов» (Из детства), «Вербная суббота», «Сказки» - стихотворения, в которых он возвращается «в уютную детскую...с зеленым абажуром в картинках», в «сад в инее, весь бело-голубой».

Ночью этой видел я во сне,
Будто я в Ельце, в саду знакомом.
Солнце всходит, - облака в огне,
И зарей пылают окна дома...

...Запах сада – пряное вино...
Блеск и тени...Солнце выше, выше...
Жду: вот-вот откроется окно,
Голоса родные вновь услышу ...

Так легко и радостно так мне,
Замер весь, я встречи жду желанной...
-Тонет все в какой-то мгле туманной...
Сад родной я видел лишь во сне.

Когда-то в детстве его восторгали рассказы Мамина-Сибиряка об Урале, о сопках, реке Чусовой, о глухой тайге. И вот он их увидел, но только и мог сказать себе, что слишком мрачна, угрюма и холодна природа Урала, не такую природу он любит.

Татьяна Львовна Щепкина – Куперник (1874 – 1952) известный переводчик западноевропейской классики. Ее перу принадлежит "Полное собрание сочинений Эдмона Ростана" с прославленным переводам пьесы «Сирано де Бержерак», перевод двенадцати пьес Шекспира (самый известный из них – перевод "Ромео и Джульетты"), множество драм Кальдерона, Лопе де Веги, Мольера, Тирсо де Молины, Гюго, Метерлинка.)

Откуда у Касаткина взялись учебники французского и английского языков теперь не узнать. То ли прислали из дому, то ли оставил кто-то живший здесь раньше, но по вечерам он прилежно изучает оба языка. Правда, как с горечью отмечает он, сначала не слишком успешно, т.к. оказавшийся в его окружении человек, знающий 7 языков, понимает его с трудом. Михаил Александрович признается, что «с грехом, но понимает Мольера искристый язык», и с иронией добавляет, что единственное, что его утешает это то, что сам Наполеон был плохим лингвистом.

Трудно представить, что через 10 с небольшим лет известный советский поэт В.А. Рождественский в одном из писем, обращенных к Касаткину, напишет ему: «Ваша работа производит сильное, чисто поэтическое впечатление; на русском языке впервые является работа, выдающаяся по точности и верности общему тону». Речь идет о стихотворных переводах с французского. А сначала Всеволод Александрович помог ему опубликовать в 1946 году стихотворение «Чернозем» в журнале «Ленинград». Впрочем, это было единственное оригинальное произведение Касаткина, которое было напечатано.

Тогда же, в сороковые годы, а точнее в 1946 году, у него завязывается переписка с Т.Л.Щепкиной-Куперник.

Отыскав ее почтовый адрес в адресном столе, он пишет ей письмо, вероятно, с просьбой оценить его поэтическое творчество. На конверте обратный адрес: Свердловская область, Ивдельский район п/я... И немедленный ответ: «Я прочла Ваши стихи. Меня сразу поразило то, чего почти не находишь в тех стихах, которые шлют в большом количестве: настроение... Да, у Вас несомненный дар». И через месяц в следующем письме: «Теперь еще о Ваших стихах: то же впечатление большой искренности, самобытности, «своих» слов и несомненного дарования...Очень хорошо...У Вас своя манера...». Можно только удивляться, зная то время, что Татьяна Львовна не побоялась ответить человеку, написавшему ей из лагеря.

В архиве Касаткина сохранилось более 20 ее писем к нему, сначала на Урал, потом в Елец. Татьяна Львовна очень внимательно отнеслась к незнакомому ей человеку. Года через два она пишет Михаилу Александровичу, что «...если мои письма Вам приносят хоть каплю радости – это меня вознаграждает за очень многое... Людям нужно, чтобы их выслушали и поняли – а теперь так мало слушают других – все переполнены собою... Я же слушаю или читаю всегда всей душой и вхожу в чувства моих корреспондентов тоже всей душой: меня огорчает только, что сочувствие свое я могу выразить только на словах, а не на деле». Но именно слова дружеского участия и оценка его стихов Татьяной Львовной Щепкиной-Куперник (а она не только хвалила, но и критиковала) помогли Михаилу Александровичу в трудное время вдали от родного Ельца.

Они переписывались 6 лет, а увиделись за несколько месяцев до смерти Татьяны Львовны. В письмах она часто добавляла к его имени и отчеству обращение «мой незнакомый друг, «мой неведомый друг», сначала в буквальном смысле, потом брала эти слова в кавычки, потому что годы переписки сблизили этих людей. Она видела в нем коллегу, называла его «товарищем по перу» («Вы как поэт знаете...», «Ваше поэтическое воображение легко поймет...») и причисляла к друзьям. И почти в каждом письме: «Всегда буду рада Вашим стихам и письмам», «Как Вы? Как Ваши труды и дни?», «Пишите мне иногда и присылайте Ваши стихи».

Но главным своим учителем в искусстве перевода Касаткин считал известного советского поэта Всеволода Рождественского.

Почти 40 лет они переписывались, обменивались книгами. Всеволод Александрович не только разбирал его стихи и переводы, давал профессиональные советы, рекомендовал, что читать по теории перевода, но и помогал выстроить отношения с составителями книг, редакторами, критиками, издательствами. Как писал сам В.А.Рождественский, «важно, чтобы Вас держала в памяти переводческая среда», и он понимал, что скромному пенсионеру из провинциального Ельца

Всеволод Александрович Рождественский (1895 – 1977) известный советский поэт и переводчик. Жил и работал в Ленинграде. Наиболее известные - его ранние книги «Гранитный сад» и «Окно в сад». Как переводчик начинал во «Всемирной литературе». Наиболее интересны его переложения тех поэтов, которых до него на русский не переводил никто.

(а Михаил Александрович рано ушел на пенсию из-за болезни глаз) тяжело обеспечить, выражаясь словами самого Рождественского, «эффект личного присутствия». Именно поэтому он участвовал в подборке поэтических переводов, которые Касаткин посылал издателям, рекомендовал обратить внимание на того или иного автора.

Отсутствие поэтической среды, товарищей по профессии в Ельце, конечно, обедняли жизнь провинциального поэта и переводчика. Оставались письма, и надо сказать, что М.А.Касаткин вел постоянную переписку со своими коллегами, живущими далеко от столицы. Больше всего сохранилось писем от Бориса Леонтьева из Рязани и Льва Стекольников из Ленинграда.

Борис Андреевич Леонтьев (1898-1960) первые стихи опубликовал в сборнике «Литературная коллекция» в 1916 году. Эрудит, чьи познания и поэтический талант позволили ему создать цикл стихотворений о Пушкине, Лермонтове, создать своеобразную галерею литературных портретов поэтов и писателей. С 1950 по 1960 год он жил в Рязани, где в 1960 году, незадолго до смерти, и вышла первая его небольшая книга. Работал же он корректором в типографии.

В рукописном отделе ИРЛИ РАН (Пушкинском доме) в фонде Б.А.Леонтьева хранятся письма к нему Вс.Рождественского (возможно, именно он и познакомил Леонтьева с Касаткиным), Т.Л.Щепкиной-Куперник, К.И.Чуковского, В.Саянова и других видных литераторов, которые ценили его поэтическое творчество.

Лев Борисович Стекольников (1912-1968) – писатель, поэт (автор повестей "Кладоискатель АВС", "Трехглавый дракон"). Первая книга «Исток» вышла в 1948 году в Иркутске. Печатался в журналах «Звезда», «Нева», «Костер» и др. Жил и работал в Ленинграде.

В этих письмах они делились не только новостями семейной жизни, но и своими успехами (а чаще неудачами, т.к. во многих посланиях описываются долгие переговоры с издательствами, отказы в печати, сетования на пренебрежительное отношение столичных издателей, которые, пообещав, вдруг отменяют уже подготовленные публикации). Неизменно посылают друг другу свои стихи или переводы, обсуждают их.

Кроме того, в архиве Касаткина есть несколько писем от Ефима Эткинда, где маститый литературовед обсуждает с Михаилом Александровичем возможности опубликования переводов последнего в сборнике французской поэзии, который Эткинд готовит к печати. В 1969 году под редакцией Эткинда выходит сборник "Французские стихи в переводе русских поэтов XIX-XX вв.". А теперь он готовит следующий – «Французские стихи в русских переводах.1917-1971», куда отобрал 8 восемь стихотворений, переведенных М.Касаткиным (Готье, Верлена, Леконт де Лиля). К сожалению, издание не состоялось по целому ряду причин.

Другими словами, переводческая деятельность Касаткина – это не изысканное хобби провинциального пенсионера, а многотрудная, ежедневная и многолетняя работа профессионала, чье творчество было высоко оценено признанными авторитетами русской переводческой школы и его собратьями по переводческому цеху.

Работал Михаил Александрович много, но свет увидели лишь некоторые его переводы. В 1957 году – 10 стихотворений Мюссе, еще 4 – Лонгфелло, хотя он много переводил из Бодлера, Леконт де Лиля, Готье (в частности перевел его цикл «Эмали и Камеи», состоящий из 52 стихотворений). Переводы из Байрона, В.Скотта, Верлена остались практически неизданными. По различным журналам рассеяны немногочисленные публикации переводов чешских и украинских поэтов.

Но известная цитата, что «рукописи не горят», в полной мере применима и к творческому наследию Михаила Александровича Касаткина.

Видимо, пришло время и его землякам – ельчанам оценить то, что давно оценили лучшие представители поэтической критики 20 века.

Нынешний владелец его архива В.А.Заусайлов мечтает, что незаслуженно забытое творчество нашего земляка все-таки станет предметом пристального исследования и краеведов, и музейных работников, и студентов и преподавателей Елецкого университета, потому что жизнь Михаила Касаткина – блестящий пример скромного, но вдохновенного служения высокому искусству, замечательная страница культурной истории Ельца.

Ефим Григорьевич Эткинд (1918 – 1999) – критик, историк литературы, переводчик и преподаватель. Ученик В. Жирмунского, Г. Гуковского, Б. Эйхенбаума и др.). Доктор филологических наук. Опубликовал ряд книг и множество статей по истории и теории русского стихотворного перевода, подготовил к печати десятки книг французских и немецких писателей XVIII–XX веков.

Источники:

Архив М.А.Касаткина

<http://antology.igrunov.ru/authors/etkind/>

<http://www.eleven.co.il/article/15123>

<http://www.ruthenia.ru/document/392513.html>

**Из неопубликованных стихов и переводов
М.А. Касаткина.**

Грачу

Нет, не певец ты – голос твой криклив.
Но почему ж твой крик нам с детских лет так дорог,
И почему в груди растёт порыв задора,
И жить вдруг хочется, становишься счастлив,
Лишь промелькнет блестяще-черной тенью
В сугробах марта траур крыл твоих?
- Тот траур светел наш: мы знаем, - близок миг
Разливов солнечных и рдяных зорь весенних.
Да, холодно, - снега ещё кругом, -
Но не страшны они: неделя – две, - и стают.
И чудится уж нам в движение чёрной стаи
Апрельских пашен взрытый чернозём.

28.VI. 1944

* * *

Солнце – гром – и сыплет щедро
Дождь алмазную пыльцу.
И струя родного ветра
Льнет порывисто к лицу.

*

Дом знакомый под кровлей ветхою.
Груша старая у ворот,
Размахнувшись цветущей веткою,
Тень закинула в огород.
Из колодца ведро скрипучее
Цепко вытянул «журавель».
Здесь зарёй, от берёз пахучею,
Я когда-то встречал апрель.
Та же заросль густой смородины,
Петушиные голоса...
Только я не тот...

Здравствуй, родина,
Чернозёмная полоса!..

Осенний вечер

Рамы вставили, - уютно стало, глухо.
Стёкла потны. Словно сыр с слезой - замазка.
Почернела за окном, набухла
Позабывтая сушёных яблок связка.

И беседка и забор в саду – всё мокро...
Тучи клоч навис – дождь вот-вот уронит...
Черен вяз. В ветвях, как ком, гнездо воронье,-
Там, вдали, закат – весь жёлт, что охра.

А в грязи каштанов – листья-лапы.
На крыльце собака хмуро дрогнет.
Свет прорезал лужу на дороге:
У соседей зажигают лампу...

31.X.1944

Вербная суббота (детство)

В окнах кухни – месяц тонкий-тонкий,
Звёзд посев – мерцающие зёрна.
Тишь и темь. В углах под печкой – чёрно.
Треск сверчка – назойливый и звонкий.

К сердцу страх прильнул, стоглазый, клейкий...
По полатам – шорох без умолку –
Тараканы? Их то шёпот - толки?
Домовой ли стонет под скамейкой?

То – Василич? Дышит хрипло, жутко, -
Словно душит кто... Да он ли это? Скоро ль
Возвратится няня из собора?
Притаясь, прислушиваюсь чутко...

Вот – звонят... И улица вся разом
Зазвучала говором, шагами.
Свет скользнул на печь: в оконной раме
Огонёк мелькает алым глазом.

Дверь открылась, - в душный воздух кухни
Вдруг прокрался запах сада свежий.
На пороге – няня. Свечку держит, -
И бумажный фитилёк не тухнет.

Подняла свечу и накопила
Крест над дверью. Подошла к божнице, -
И лампадка синею зарницей
Образ Спаса мягко озарила.

Три земных поклона положила
Поднялась кряхтя. И вербой гибкой
Бьёт меня – со странною улыбкой,
С приговором добродушно – милым:

«Верба – хлёт –
Бьёт до слёз!
Верба – бела –
Бьёт за дела!»

8.IV.1944

Альфред де Мюссе (1810 – 1857)
(перевод с французского)

К звезде

Звезда вечерняя, предвестник ночи бледный,
Сверкнувшая меж туч, скрывающих закат,
Скажи, что ищет здесь задумчивый твой взгляд –
Среди равнины бедной?

Гроза уже вдали, спокойно все вокруг,
Лес тихо шелестит, на вереск дождь роняя,
И бабочка летит лилово- золотая
Через душистый луг.

Что ищешь ты, звезда, на дремлющей поляне?
Вот опустилась ты к вершинам синих гор,
Вот искрой теплишься в клубящемся тумане,
И меркнет вдалеке мерцающий твой взор.

Вот ты спускаешься на этот холм зеленый,
Серебряной слезой дрожа в лазури вод, -
Ты видишь, как пастух шагает утомленный,
Как стадо вслед за ним понурившись бредет.

Звезда, куда твой путь в молчанье ночи мглистой?
В прибрежных тростниках приюта ищешь ты?
Или жемчужиной – такой красивой, чистой –
Ты в море скроешься, упавши с высоты?

Ах, гибнешь, гибнешь ты! Холодных волн течение
Блеск золотых лучей погасит навсегда...
Не покидай же нас, помедли на мгновенье!
Не уходи с небес. Гори, любви звезда!

14.IX. 1954

Генри У. Лонгфелло (1807 – 1882)
(перевод с английского)

Чосер
(сонет)

Дубовый парк – и в нём уютный дом.
По комнате мелькают веток тени.
Висят картины: гончие, олени.
Седой старик склонился над столом
И слушает: за расписным стеклом
В свинце решётки – жаворонка пенье.
Старик смеётся, слыша звук весенний,
И вновь скрипит, как клерк, своим пером.
То – он, поэт румяного рассвета,
«Кентерберийских повестей» творец.
Я слышу в них и коноплянки зов,
И петуха, встречающего лето,
И жаворонка звонкий бубенец;
В них - запах пашни, аромат лугов.

23.VIII. 1955

Генри У. Лонгфелло (1807 - 1882)
(перевод с английского)

Звездный свет
(из цикла «Голоса ночи»)

Ночь пролетает над землей,
Темнеет глубь небес,
И тихо месяц молодой
Спускается за лес.

Всё в полумгле. На горный кряж
Струится горный свет,
И красный Марс, как ночи страж,
Встал первым из планет.

Какой назвать его звездой?
Звездой любви, мечты?
О нет! Он блещет, как герой,
С лазурной высоты.

Он раскалён, он может сжечь,
Он как рубин горит,
И луч его – дамасский меч,
И диск – чеканный щит.

О светоч силы! Ты глядишь
С улыбкой на меня, -
Мечом своим коснешься лишь –
И весь я от огня.

Открыта грудь моя лучам,
В ней свет холодных звёзд.
Я Марсу первому отдам
Полночной стражи пост.

Несокрушимой воли луч,
Кроваво-красный Марс,
Ты в сердце вспыхнул – чист, могуч,
Отважен, словно барс.

И ты, мой друг, кто б ни был ты,
Псалом читая мой,
Верь, не оплакивай мечты,
Будь чист и смел душой.
Несчастье встретишь ты, суров,
Как воин – грудь о грудь,
И ты поймёшь величье слов:
В страданье твёрдым будь!

Виктор Гюго (1802-1885)
(перевод с французского)

Сеятель

Тускнеет неба позолота.
Любуюсь, сидя у двери,
На поздний час дневной работы
В сиянье гаснущей зари.

Слежу, охваченный волненьем:
В полях, где мрак ночной залег,
Старик медлительным движеньем
Бросает новых жатв залог.

В лохмотьях, он царит над пашней –
Высок и чёрен силуэт.
День прожит с пользой, как вчерашний,
Полезней дня – он верит – нет.

А полю ни конца, ни края.
И ходит сеятель кругом,

Горстями полными кидая
Зерно в согретый чернозём.

И тень растёт в прибоях гула,
Необозримо широка,
И кажется – до звёзд взметнула
Жест величавый старика.

15.I.1955

Экстаз

У моря я стоял июльской ночью звездной.
Ни тучки в небесах, на паруса над бездной.
Взор будто проникал за грань земных завес.
И горы тёмные, и лес, и ветра взлёты, -
Природа, мнилось, вся – шептали тихо что-то
Волнам морским, огням небес.

И звёзды яркие, дрожа над горной кручей
Звенели серебром, как тысячи созвучий,
Склоняя каждая свой огненный венец;
И волны синие, ложась на жёлтый щебень,
Журчали, преклонив свой белопенный гребень:
Во всём - Господь, Господь – Творец!

1954(?)

Эмиль Верхарн (1855 – 1916)
(перевод с французского)

Гости

- Откройте дверь передо мною,
Стучусь у вашего жилья,
Откройте, люди, - ветер я,
Одетый мёртвою листвою.

- Входи же, ветер, гостем будь,
Вот для тебя труба камина
В узорах яркого кармина, -
Входи к нам, ветер, гостем будь.

- Откройте, люди, дверь, - я дождь.
Вдовец в одежде серой ткани –
В осеннем сумрачном тумане
Конца одежды не найдешь.

- Входи же к нам, входи, вдовец,
Озяб и бледен ты, - отыщет
Здесь ящерка тебе жилище –
Стены заплесневшей жилец.

- Болты железные долой!
Откройте, люди, дверь метелям, -
Пушистый белый плащ мы стелем
В пути пред бабкою зимой.

Входи метель, укрой снегами,
Сей лилий белых лепестки,
Ковры из них в лачуге тки, -
До очага, где пышет пламя.

VI/ 1954

Шарль Бодлер (1821 -1867)
(перевод с французского)

Альбатрос.

Порою, чтоб развлечь скучающих матросов,
Поймает кто-нибудь, забаве дав почин,
Огромных птиц морских, беспечных альбатросов,
Попутчиков судов над серой мглой пучин.

Позор отныне им в удел судьбою послан!
На палубе кладут лазури короля, -
Два белые коyla, как сломанные вёсла,
Печально он влачит по доскам корабля.

Крылатый властелин заоблачного края,
Красавец миг назад, - как он смешон стал вдруг!
Один дразнит его, кривляясь и хромая,
Тот сунул в клюв ему дымящийся чубук!

Поэт, таков и ты: с грохочущей грозой
Ты смело борешься, мелькая в облаках, -
Средь шиканья толпы, пленённому землёю,
Мешает лишь тебе могучих крыл размах.

ХII. 1954

Из Г. У. Лонгфелло

Звездный свет

(из цикла „Голоса Ночи“)

Ночь пролетит над Землей,
Темнеет густо Ниссе,
И тихо между млочодой
Спускаются за лес.

Всё в пошумле. На горной кровле
Струится звездный свет,
И крайний Мир, как кочи сираф,
Ветви первого из планет.

Какой назвать его звездой?
Звездой любви, мечты?
Он! Он блещет, как герой,
С лазурной водою

Он раскалён, он морсет сфер,
Он как рудик горит,
И чучело — дамасский меч,
И дук — беканной шур.

О светоч сия! Ты излучаешь
С чистотой на мезд, —
Милом своим какёмся том —
И все в отъ отъ.

*Казенная гимназия, куда Миша Касаткин
поступил сразу в третий класс.*

*На внутренней стороне обложки касаткинский автограф
перевода из Яна Порука с правкой Вс. Рождественского.*

**Смакетировано, сверстано, отпечатано
в РИЦ “Апельсин” (ООО “Меганом”),
г. Елец, ул. Свердлова, 143,
тел. (47467) 39-5-39.
Заказ № 01032. 2009. Тираж 10 экз.**